

*Посвящается Хильделизе Виктории,
моей смелой и прекрасной матери*

*«Если увидишь на дне чашки чая не-
растворившийся сахар, значит, кто-то
в тебя влюблен».*

Народное поверье

*«Кстати, «таїана» не означает “зав-
тра” — это значит “не сегодня”».*

— Билли Коллинз

Глава 1

*Н*азывайте это как хотите. Каникулы. Подарок на школьный выпускной. Может быть, побег. Знаю только, что никогда в жизни не была так далеко от Майами.

Я здесь только потому, что меня подвело кубинское лекарство. Оно очень древнее и похоже на рецепт. Ингредиенты разнятся от семьи к семье, но суть всегда одна: тебе разбивают сердце, а семья помогает пережить это. Вот только не хватит никакой еды и родственников, чтобы склеить мое разбитое сердце. Поэтому они меня облапошили, как в сюжете одной из маминых мыльных опер.

— Следующий. — Таможенник лондонского аэропорта Хитроу жестом приглашает меня пройти вперед. — Цель вашего визита, мисс? — спрашивает он после того, как я протягиваю ему свой паспорт.

Две секунды, четыре, затем моя наглая ложь:

— Каникулы.

Я молчу, потому что меня ждет один из моих принимающих, Спенсер, а вторичный досмотр стоит для меня в одном ряду с вырыванием зубов и гинекологическим осмотром. Но, *dios*¹, как я хочу сорваться на этого таможенника. Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не наклониться к его выглаженной синей униформе и не прорычать:

— Я. *Здесь*. Не только потому, что моя дорогая *abuelita*² отошла в мир иной, но потому что спустя два месяца после ее смерти меня предала лучшая подруга, а парень, с которым я встречалась три года, бросил меня прямо накануне выпускного бала. Я называю это тройным несчастьем. Очевидно, я не смогла оправиться от всего этого достаточно быстро, поэтому семья отправила меня сюда, чтобы я остыла. Я не хотела ехать в эту вашу Англию, но моя мамочка выкинула величайший фокус всех времен, даже более мощный, чем выпечка из гуавы и другие кубинские лекарства от печали. Она призвала на помощь бабушку. Так что, отвечая на ваш вопрос, у меня нет здесь никакой цели визита.

Шлеп. Офицер ставит штамп и протягивает обратно паспорт.

— Приятных каникул.

Это, черт возьми, маловероятно.

¹ Господи (*исп.*) — *Здесь и далее прим. пер.*

² Бабушка.

Два часа спустя, после малоразговорчивой поездки в автобусе, а затем молчаливой — в такси, водитель высаживает нас у места, которое я видела только на картинках. К сожалению, солнца добавить в этот раз забыли. Я вся трясусь под серым небом, пока Спенсер с трудом вытаскивает два моих огромных чемодана из багажника.

Итак, я в Винчестере, графство Хэмпшир, Англия.

Я пересекаю узкую улочку и подхожу к гостинице «Сова и ворон». Как и большинство других зданий в городе, «Сова и ворон» выглядит как из романа Джейн Остин. Огромный свадебный торт из оранжево-красного кирпича с возвышающимися над районом башнями. Плети плюща из галереи обвивают трехэтажное здание, словно зеленые артерии. История — это место сочтется ею.

В Майами нет ничего настолько старинного. Даже сеньора Кабраль, которая, прихрамывая, до сих пор заходит в нашу семейную пекарню каждый понедельник и уже казалась *tan vieja*¹, когда мои родители еще не появились на свет, не настолько старая.

Спенсер Уоллас катит мои чемоданы под обвитой розами аркой. Видя Спенсера здесь, а не в Майами, куда он приезжал с женой и сыном, я понимаю, как он всем внешним видом подходит своей гостинице. Начавшие сесть рыжие волосы. Густая эспаньолка и усы. На нем даже тя-

¹ Такой старой.

желый твидовый блейзер. Именно после *этого*, когда я мельком увидела дальнего родственника в аэропорту, путешествие стало казаться еще более сюрреалистическим, чем когда я садилась на рейс. Мама и папа отправили меня в чужую страну, где мужчины носят твидовые блейзеры. В июне.

— Ну же, Лайла, идем, — зовет Спенсер с порога. — Кейт уже, наверное, вернулась с физиотерапии. Тут внутри тепло. — Он случайно толкает меня в плечо, закрывая за нами дверь. — Извини, — говорит он и бросает очередной обеспокоенный взгляд на мою одежду. Он косится на нее с тех пор, как я прошла пограничный контроль. Как я поняла по пятому терминалу Хитроу, мои белые джинсы, золотые босоножки и легкая розовая майка не подходят для каникул в Англии, даже в начале лета. Но они *идеальны* для Майами. А холодно мне или нет, уже не важно.

В гостинице тепло, но не душно, пахнет сливочным маслом и сахаром. Я вдыхаю этот аромат, стараясь задержать его в легких. Знакомые запахи помогают чувствовать себя здесь как дома, насколько это возможно.

Тя¹ Кейт спускается по полированной деревянной лестнице.

— А, вот и ты. — Она подходит и обнимает меня. — Прости, что не смогла встретить тебя

¹ Тетя.

вместе со Спенсером в аэропорту и что забрала машину.

— Мы отлично доехали на автобусе, — говорю я в ее колючее шерстяное плечо. Ее светлые волосы собраны в низкий пучок, как и при нашей последней встрече, но акцент звучит ровно, как никогда. Вот что могут сделать двадцать пять лет жизни в Англии с венесуэлкой, урожденной Каталиной Ракеель Мендозой? Здесь, в средневековом городке Хэмпшира, при этом муже, ее зовут Кейт Уоллас.

— Как ты выросла! Тебе почти восемнадцать. — Кейт делает шаг назад и хмурит брови. — Идем в гостиную, напою тебя чаем, пока Спенсер относит чемоданы наверх. Там горит камин, и я могу дать тебе свитер, пока будешь распаковывать вещи. Твоя маечка слишком тонкая — я не хочу, чтобы ты простудилась.

У меня сжимается сердце и вдруг... я начинаю реветь. Здесь, в уютном фойе «Совы и ворона», с его полированными деревянными половицами под моими босоножками и высокими корзинами с зонтиками у двери. Ни в международном аэропорту Майами, когда с моего лица не сходила непробиваемая хмурость, ни даже тогда, когда я с чувством долга целовала *mis padres*¹ и сестру Пилар. Ни пока я наблюдала, как исчезали огни моего города за крылом авиалайнера. Я не плакала тогда. Не хотела. Но Каталина-Кейт Уоллас

¹ Родителей.

поймала меня врасплах, и я не могу удержаться. Из глаз льются слезы, а горло сжимается от воспоминаний, которые я никогда не забуду.

*¡Ponte un suéter, que te vas a resfriar!*¹

Надень свитер, а то простудишься! Кубинская мантра всех мантр. Вытатуируйте ее на наших лбах. Напишите ее несъедобными чернилами школьных ручек с ароматом фиалки. Кричите ее с оглушающей громкостью из окон детям, поедающим фруктовый лед на улицах Маленькой Гаваны. Моя abuela² бросала стопки вымышленных свитеров налево и направо. До одного холодного мартовского утра. Самого холодного дня из всех.

Моя рука взлетает к золотому кулону на шее в виде голубя — abuela подарила мне его четыре года назад. Кейт замечает это, утонченные черты ее лица увядают.

— Ох, твоя дорогая abuelita. Она была такой хорошей женщиной, любовь моя.

Любовь. Не mi ja³. Английская Кейт не ее дочь.

— Abuela меня практически вырастила. — Кейт смотрит в мои опухшие глаза. — Жаль, что я не смогла приехать на похороны.

— Мама все поняла. Путь неблизкий. — Четыре тысячи триста восемьдесят миль.

¹ Надень свитер, ты простудишься!

² Бабушка.

³ Дочь.

Кейт прижимает обе ладони к моим щекам. Abuela тоже так делала, отчего на моих глазах снова выступают слезы.

— Скажи правду, — говорит она. — Хоть я только что перенесла операцию на шею, твоя мать все равно винит меня, верно?

Я смеюсь. Англия ничего у нее не украла. Поджатые губы, руки в бока и испытующий взгляд сразу напоминают мне Кейт такой, какой я запомнила ее во время последнего приезда Уолласов в Майами.

— Как ты догадалась?

— Я очень люблю твою маму, но даже *telenovela mujeres*¹ могут у нее поучиться.

Мыльные оперы. Мама не ходила в колледж, но у нее степень в драме по специальности «перегибание палок». Она также виртуозно умеет делать все мне наперекор.

— Посиди в гостиной, а я пока принесу чай, который Полли для нас заварила, — говорит Кейт и указывает на сводчатый проход, прежде чем уйти.

Я снимаю свою черную сумочку через плечо; из кармашка торчит таможенный бланк. *Приятных каникул*. Я сминаю листок в шарик, настолько крошечный, насколько хватает сил. Никакие «каникуль» мне не помогут.

¹ Женские телесериалы.

Глава 2

Я понимаю, почему гости «Совы и ворона» в восторге от послеобеденного чая, который подают в гостининой, но в этом сконе слишком много сахара. Хоть текстура практически идеальная, но в уровне сладости многие пекари терпят неудачу. Мука, сливочное масло и сахар — всего лишь основа для других вкусов: приправ и экстрактов, фруктов, кремов и шоколада. Выпечка никогда не должна быть слишком сладкой. Она должна быть запоминающейся.

Не то чтобы я эксперт по сконам; на самом деле я никогда их не пекла. Последний раз я их ела четыре месяца назад с послеполуденным чаем, когда Пилар захотела отпраздновать свой двадцать первый день рождения в отеле «Майами Билтмор».

Как и тот отель — эта гостиница с ее льдисто-голубыми стенами и парчовыми тканями выгля-

дит, скорее, как картина, нежели комната. Я же здесь — фигура, нарисованная в чужой жизни.

Назову ее «Юная кубинка с переслащенным сном не в Майами».

— ...и прогулки. Сельская местность очень близко. Можешь взять один из велосипедов для гостей, добраться куда угодно и по-настоящему отдохнуть. В центре полно кафе и маленьких магазинчиков. Я уверена, они тебе понравятся. — Между глотками крепкого черного чая Кейт провела последние пять минут, пытаюсь продать мне Винчестер, как заправский риелтор.

Я холодно улыбалась все это время, словно мне было до этого дело.

— Звучит здорово. И спасибо, что приняли меня. — Я сижу в воображаемом пространстве между желанием утопить свои слова в украшенном узором из роз заварнике и выказать уважение женщине, которую знаю с рождения.

— К черту любезности, — говорит Кейт, — можешь быть со мной откровенной.

— Хорошо. — Я ставлю чашку на стол с неподобающим звяканьем. — Не хочу здесь оставаться. — Не важно, были они мне семьей или нет.

Ее взгляд остается спокойным, как белое мраморное небо за окном. Кейт обводит пальцами ободок чашки. Ее закругленные ногти поблескивают темно-вишневым лаком.

— Конечно, не хочешь. Нет нужды притворяться. Но твои родители считают, что некоторое время вдали от дома поможет...

— Как насчет того, что думаю я? Что насчет *моих* чувств? — Я, словно заевшая пластинка, повторяю этот текст с тех пор, как мне забронировали билет на самолет. Помощь, которая мне нужна, находится в четырех тысячах миль отсюда через Атлантику. Там, где несколько недель назад у меня было все, чего я хотела. Там наша пекарня; я стану управлять ей и развивать бизнес. Эту пекарню когда-то открыла моя бабуля. «Ла Палома»¹. Память о ней и ее дух поселились в тех стенах. А меня там теперь нет.

Не нужна мне Англия. Майами — мой любимый город. Дом, где я так часто побеждала за семнадцать лет. Он зовет меня, сгущая кровь, отдаваясь в костном мозге. «*Ты моя*, — говорит он. — *Ты снова можешь победить*».

Но не здесь. Не в Англии.

С Майами связаны самые дорогие мне отношения, которые я втайне оплакиваю. Abuela. Андре. Стефани. Мои сердце, тело и память еще не оправились после них. За восемьдесят пять дней в Англии слишком много может произойти перемен, а меня не будет дома, чтобы их остановить.

— Тебе больно, Лайла. И ты напугала своих родителей, — говорит Кейт. — Самое важное

¹ La Paloma — голубь (*исп.*).

сейчас, чтобы ты оправилась, а не взяла на себя управление «Ла Паломой».

Вуено¹. Что ж. К черту любезности — видимо, это правило работает в обе стороны. *Но у меня все было под контролем.* Мне нужно больше времени, а не разговоров или пространства. Почему родители не могут этого понять?

Кейт накручивает на палец выбившуюся из пучка прядь волос.

— Пообещай мне одно, потому что мы обе знаем о гневе tu mamá².

Я бросаю на нее взгляд, удивившись испанским словам.

— Постарайся обустроиться здесь. Может, даже немного повеселиться. Ты ведь будешь осторожной? — Похоже, полчаса в моей компании добавили юго-западные нотки к ее акценту. — Не бегай одна по ночам и не делай ничего... безрассудного.

Безрассудного. Как то, что я сделала две недели назад? Мои щеки краснеют от стыда и злости. *Я была такой неосмотрительной. Такой небрежной.*

Но я молчу. Я не отвечаю, съедая последние кусочки скона с черной смородиной, который испекла Полли. Да, слишком сладкий.

Моя чашка пуста только наполовину, когда Кейт хлопает меня по плечу.

¹ Хорошо.

² Твоей мамы.

— Я покажу твою комнату. Спенс уже, должно быть, отнес сумки наверх. — Она встает и жестом зовет меня за собой в фойе, а затем вверх по широкой лестнице.

На втором этаже «Совы и ворона» восемь гостевых комнат. Кейт упоминала, что все были забронированы, но сейчас обшитый деревянными панелями холл занят лишь рядом медных канделябров. У каждого по бокам огромные золотые крылья.

Мы останавливаемся у широкой двери без номера с клавишной панелью.

— За этой дверью лестница, которая ведет к нашей квартире. Код — индекс старого района в Майами. — Лицо Кейт смягчается от ностальгических воспоминаний. Когда ее родители переехали в Майами из Венесуэлы, Кейт так много времени проводила в бабушкином доме с мамой, что он стал для нее родным. Мы с Пилар никогда не звали ее кузиной. Она всегда была нашей *tía*.

Кейт жестом просит меня ввести знакомые пять цифр. После сигнала дверь отворяется, открывая вход на очередную лестницу с резными перилами.

Лестница приводит нас в просторный лофт. Кейт указывает на одну сторону коридора.

— Наша со Спенсом комната вон там.

Она поворачивается и ведет меня через гостиную в противоположное крыло.